

«Лёгкие стишки». Успеху «Тёркина» завидовали даже нобелевские лауреаты

105 лет назад, 21 июня 1910 г., в семье смоленского кузнеца случилось прибавление. Отец был горд вдвойне - радость от рождения сына совпала с основанием хутора. Впоследствии сын скажет: «С этим клочком земли связано всё лучшее, что есть во мне, - поэтическая способность». Звали его Александр Твардовский. Поэт Александр Твардовский на пепелище родной деревни Загорье в Смоленской области. Великая Отечественная война 1941-1945 годов. Репродукция фотографии. РИА Новости Позже поэт вспоминал об отце так: «Он был не просто грамотным, но даже по-деревенски начитанным. Помнил наизусть множество стихов, особенно любил читать Пушкина и ершовского «Конька-Горбунка». А вот что почти полвека спустя заявят о поэме «Василий Тёркин» литературоведы: «Интересно, что хореическим размером были написаны сказки Пушкина и «Конёк-Горбунок» Ершова. Это до Твардовского единственные в русской поэзии большие произведения, написанные таким размером». Место под солнцем Неизвестно, отдавал ли Александр Трифонович себе отчёт в том, какое завидное место он занимает в русском стихосложении. Вероятнее всего - да. Недаром в 1944 г., на пике популярности «Книги про бойца», он разоткровенничался: «Во мне созрело ощущение, что «Василий Тёркин» - это лучшее из всего написанного о войне на войне». Но откровенничал он лишь в дневнике. Никогда и нипочём он не стал бы хвалиться мастерством или талантом. Наоборот - был склонен отходить в тень и радоваться успехам других. Так, будучи редактором журнала «Новый мир», устроил публикацию совершенно «непроходного» рассказа никому не известного автора. И когда «Один день Ивана Денисовича» стал классикой, а Солженицын - нобелевским лауреатом, Твардовский смиренно и с надеждой скажет: «А ведь и нас, быть может, вспомнят, как мы за него стояли...» Это притом что другой русский обладатель «нобелевки», желчный и ехидный Иван Бунин, люто ненавидевший всё советское, искренне восхищался «Тёркиным» и его автором. Чаше всего цитируют это: «Совершенно восхищён его талантом. Какая свобода, какая чудесная удаля, какая меткость, точность во всём!» И почему-то забывают продолжение: «Наши поэты не почувствуют, не поймут. Обязательно скажут: «Ну что такое Твардовский? Да это частушка». У них ослиное ухо». Бунин угадал точно. Вот резюме Анны Ахматовой: «Тёркин? Лёгкие солдатские стишки». А вот вердикт Иосифа Бродского: «Плясовая Тёркина». Известны пять русских нобелевских лауреатов по литературе. Трое из них заинтересованно обсуждают поэзию и личность Твардовского. К тому же обсуждают активно, ломают копы, все и по существу упоминая такие далёкие от литературы явления, как советская власть. © Коллаж АиФ © Коллаж АиФ © Коллаж АиФ © Коллаж АиФ © Коллаж АиФ © Коллаж АиФ © Коллаж АиФ © Коллаж АиФ Пан Твардовский Впрочем, не такие уж и далёкие. Главный упрёк: «Твардовский был частью советского литературного истеблишмента». Упрёк абсолютно не по адресу. Сам Александр Трифонович, будучи депутатом Верховного Совета РСФСР, после одного приёма избирателей с горечью писал: «Порой кажется, что нет и самой советской власти или она настолько не удалась, что хуже быть не может». Это 1964 г. Говорить о провале советского проекта или об отсутствии подлинно советской, народной власти мог либо законченный циник, либо идеалист. Его молодые современники, писатели-фантасты братья Стругацкие, так охарактеризовали светлое коммунистическое будущее: «Мир, в котором хочется жить и работать». Почти теми же словами литератор Алексей Кондратович описывал атмосферу журнала «Новый мир», когда им руководил Твардовский: «Здесь очень комфортно, и при этом дело спорится. Обязательных часов нет, работают когда нужно, а не когда полагается по службе». А поэт Николай Асеев замечал: «С Александром Трифоновичем производительно даже разговаривать». Писатель Александр Трифонович Твардовский среди участников клуба поэзии «Гренада» в физико-математической школе-интернате при Сибирском отделении АН СССР. 1965 год Фото: РИА Новости / А. Жигайлов Твардовский умудрился построить альтернативную советскую власть в границах своего журнала. Критики-эмигранты Пётр Вайль и Александр Генис выразились без обиняков: «Подлинный, истинный социалистический строй существовал только внутри синих обложек «Нового мира». В Польше живёт легенда о некоем пане Твардовском, который сумел обмануть самого чёрта. Наш, советский Твардовский был выше обмана и партийных склок. В 1970 г. его журнал громили, и поэта вызывали в ЦК КПСС, по-иезуитски интересуясь его здоровьем и настроением. Ответ Твардовского прекрасен: «Вы, кажется, белорус? - спросил он у очередного собеседника. - Так вот, в Белоруссии об этом говорят так: «Пережили лето гарачее, переживём и г...но сабачее».